

Читайте в серии:

СТЕНЫ ВОКРУГ НАС

17 ПОТЕРЯННЫХ

ВООБРАЖАЕМЫЕ ДЕВУШКИ

*Моей младшей сестре
Лорел Роуз и Эрику,
неизменно*

1

Руби говорила

Руби говорила, что я никогда не утону — ни в глубоком океане, ни при кораблекрушении, ни даже если упаду пьяной в бездонный бассейн на чьем-то заднем дворе. Она говорила, что видела, как я могу задерживать под водой дыхание на несколько минут. Но если бы вы слышали, как она это говорила, то могли бы подумать, что речь идет о целых днях. Что я могла бы жить там, если нужно, спуститься к самому дну за ракушками и блестящими крышками от бутылок с газировкой и лишь время от времени поднимать голову, проверяя, не показались ли огни спасателей, даже если ждать их придется целую вечность.

Это казалось невозможным, и, говори это кто-то другой, а не Руби, никто бы не поверил. Но Руби оказалась права — и тело, которое нашли той ночью, не было и не могло быть моим.

Мы даже представить себе не могли... а потом пульсирующий синий свет; яркое пятно на воде; и мы хватали обувь и одежду — любую обувь и одежду... Потом бежали сквозь кусты, и острые ветки резали наши босые ноги. Мое сердце колотилось, как бешеное, а в голове крутилась одна и та же мысль: *Неужели это происходит на самом деле?* Но все было по-настоящему. А мы всего лишь хотели поплавать.

Руби стояла у самого края водохранилища, окруженная парнями — кто-то подобрался поближе, кто-то светил фонариками, и их танцующие лучи порой опускались ниже ее лица, но Руби не шлепала их по рукам — сегодня у нее не было желания.

Чуть поодаль тоже стояли парни, и несколько девчонок с ними, компания растянулась вдоль берега, исчезая где-то в ночи, но центр всеобщего внимания был здесь. На месте, где стояла Руби. Она вытянула загорелую ногу и опустила покрашенный жемчужным лаком палец в воду. Позволяя парням смотреть, что она делает. Смотреть, как разлетаются в стороны брызги воды.

Я тоже была там и тоже смотрела на нее, но никто не обращал на меня внимания до тех пор, пока она не назвала мое имя.

— Хлоя может переплыть всю эту штуку туда и обратно, — сказала Руби парням.

Она перехваливала меня, как часто любила делать. Сказала, что я могла бы переплыть все водохранилище — от нашего берега до смутно очерченного противоположного, — проверяя, станет ли кто-то из собравшихся опровергать это. Я переплыву, сказала она, а потом добавила, что еще и прихватчу с собой сувенир.

Тем летом уровень воды был ниже обычного: дожди обходили нас стороной вот уже несколько недель. Если знать, куда смотреть, то над водой можно было разглядеть крыши домов, оставшиеся от городков, в прошлом рассыпанных по долине. Там, где мы стояли, когда-то была окраина одного такого под названием Олив, и Руби говорила, что я могу заглянуть туда в гости, когда буду переплывать водохранилище. Что я спущусь вниз, ко дну, к еще сохранившимся руинам Олив, пороюсь в

оставленных платьях и вернусь на берег, увешанная драгоценностями. Если кто-то и способен на это, говорила Руби, то только ее сестра.

Мальчишки засмеялись, но кому, как не им, знать, что Руби не шутила.

— Клянусь, — говорила она, — окуните ее в воду, и она станет наполовину рыбой. Ей не нужен воздух, как всем нам. Я сама видела. Кто, думаете, купал ее, когда ей было три?

Она на пять с половиной лет старше меня, так что у нее много воспоминаний, которых нет у меня, и, по ее словам, я бывала в куче мест, о чем, клянусь, даже понятия не имею (Лоллапалуза¹, Ниагарский водопад, Ольстерская окружная тюрьма — вроде бы там мы как-то раз навещали нашу мать). Поэтому если Руби говорила, что я могу переплыть водохранилище, нырнуть до дна, до которого никто никогда не доставал, найти то, что осталось от Олив, коснуться половиц домов, затопленных в тысяча девятьсот четырнадцатом году, и всплыть на поверхность с занозой в пальце как доказательством — значит, наверное, я могу. Я должна. У Руби получалось превращать меня из обычной девчонки, на которую никто бы и не взглянул дважды, в ту, на которую стоило посмотреть. В особенную, даже мифическую.

Вот что значило быть ее младшей сестрой.

Чем больше Руби говорила обо мне, тем больше парней поворачивалось в мою сторону. Произнося мое имя, она оживляла меня, ее слова меня расцветивали,

¹ Американский ежегодный музыкальный фестиваль, проводится в Чикаго (США). — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

развевали мне волосы. О чем думали парни, было понятно по тому, как лучи их фонариков падали на меня, куда они падали и как долго задерживались. О чем слова Руби вдохновляли их думать.

— Верно, Хло? — сказала Руби. — Скажи им, что ты это можешь. Давай, скажи.

Мне не видно было ее лица, но даже в темноте я знала, что она улыбается. Подразнивает меня.

Я пожала плечами — ну да, наверное, я могла бы сделать это.

Я стояла на камне, который почти скрывала вода, — спустись с него, оттолкнись и плыви. Отсюда, казалось, можно разглядеть едва уловимые силуэты старых каменных фундаментов, по-прежнему стоящих на своих местах. Рассыпавшуюся стену. Оставленную открытой дверь в подвал. Возможно, выглядывающую из-под воды трубу камина или церковный шпиль. С берега, в темноте ночи, казалось, что я могла бы перейти водохранилище вброд, но это была всего лишь иллюзия, ибо дно уходило вниз на несколько футов. Водоем был глубоким настолько, что мог бы затопить целые поселения — что и на самом деле произошло. Он уничтожил девять. Руби знала; именно она мне об этом рассказала.

Я могла бы стоять на этом камне в воде, потом зайти по колено, не дальше. Я могла бы ничего не делать, и завтра Руби бы даже не сердилась на меня. Но о чем бы мы тогда говорили?

Мне было четырнадцать, гораздо меньше, чем всем этим парням, которые тыкали в меня лучами своих фонариков. Тусоваться с друзьями Руби означало быть осторожной в том, кто на тебя смотрел, чью бутылку ты украдкой взяла, чтобы сделать глоток, кому разрешила

сесть рядом с собой в темноте, где Руби не могла увидеть. Само по себе водохранилище было куда безопаснее, слишком большим, чтобы следить за ним в ночи, — нефтяное пятно вместо нанесенного на карту и измеренного со всех углов океана.

Поэтому, когда сестра встала во весь рост на груди камней, показала куда-то во тьму и сказала, что прямо сейчас, в эту самую минуту, я смогу переплыть его, я не возразила. Руби показывала на водохранилище протяженностью около двух миль, но казалось, что она показывает на само ночное небо, на иную вселенную вне времени, которую я могу пересечь.

Многие были не в курсе истории нашего водохранилища. Они никогда не задумывались о том, что было там прежде. Ночью оно было чем-то неопределенным, без формы и цвета. Можно было лишь почувствовать его вокруг себя, входя в воду, подгибая колени, жадно вдыхая воздух и позволяя водоему проглотить твое сердце. А когда ты нырял, все звуки исчезали. Чем ниже ты погружался, тем плотнее смыкалась над тобой вода — о том, что было в ней, мы не думали, не хотели знать. Приходилось следить за пальцами на ногах, чтобы не пораниться о занозистое дно, и за своей одеждой тоже: водохранилище славилось тем, что забирало что хотело и когда хотело. В этих старых водяных воронках терялись не только монеты и ключи от машины, но и верх бикини или сережки от пирсинга. Руби однажды потеряла кольцо, подаренное ей одним мальчиком, кольцо ручной работы, сделанное его отцом, клятву, которую она не собиралась сдерживать. Так что в случае с Руби водохранилище забрало то, что хотела *она*, как будто между ними существовало своего рода взаимопо-

нимание. Всем остальным нужно было быть куда более осторожными.

Водохранилище не принадлежало нам, хотя его воды доходили до наших задних дворов. Оно пересекало многочисленные городки в долине реки Гудзон, тянулось вдоль наших дорог. Оно было там, за деревьями, цепями и знаками «Проезд запрещен», огражденное дамбой и укрепленное, но сверкающее в любую погоду, так и манящее нас сбросить одежду и прыгнуть в воду. Оно — часть водосбора, снабжающего город Нью-Йорк, — так и умоляло нас воспользоваться этой возможностью.

Я любила плавать в нем, Руби это знала. Нам нравилось думать о них, горожанах, считавших, что их жизнь куда лучше нашей, хотя им приходилось ютиться в своем сером городе, запирались в своих коробушках, дышать спертым воздухом и принимать ванну с водой, в которой мы только что купались.

Плавать в водохранилище было противозаконно, но я все равно это делала — все мы это делали, и даже кое-что еще. Мы блевали в эту воду, когда напивались так, что едва могли держаться на ногах; писали, когда никто не видит, в темноте; кое-кто из девчонок поддавался там искушению, считая, что презерватив им не понадобится; в этой воде глупые девчонки делали глупые вещи.

Я приходила сюда с самого раннего детства. К тому же я знала, что не утону, если попытаюсь переплыть водоем, — так сказала Руби.

И вот я встала в полный рост, сняла футболку, шорты и вошла в воду по колени.

Я знала, чего она хочет, — устроить шоу для всех остальных. Руби сказала, что я могу сделать невозможное и мне нужно было лишь притвориться, что именно

это я и собираюсь совершить — и заставить их изумиться и поверить. Ее друзья были явно нетрезвыми, и завтра они бы вспоминали всё так, как хотелось бы ей.

Я двинулась дальше, погрузилась в воду до талии. Руби подначивала их:

— Хлоя переплывет его от края до края, легче легкого. Хлоя принесет нам что-нибудь из Олив, вот увидите. Верно, Хло?

И кто-то из парней кричал:

— Да, Хлоя, думаешь, ты справишься?

А остальные парни орали:

— Да ни за что!

— Давайте посмотрим, пусть попробует!

Вокруг меня прыгали лучи фонариков. Парни звали меня по имени, и оно разносилось над водой. Мое имя.

Ощущение было такое, что на меня смотрели все. Теперь это была моя ночь, словно сестра передала мне ее из рук в руки, просто из любопытства, чтобы посмотреть, что будет.

Все началось с того, что Руби позвала с собой на водохранилище нескольких парней, потом по городу пополз слухок, как и всегда, новости о вечеринке передавались из машины в машину на Виллидж-Грин¹, жужжали телефоны, летали сообщения, мальчишки и девчонки, с которыми мы бы даже не стали разговаривать при свете дня, трепались: «Слышали? Руби хочет пойти купаться».

Я поняла, как много народу пришло, только тогда, когда обернулась к берегу. И тут же мои глаза нашли его,

¹ Так обычно называют любое озелененное открытое пространство в центре города, предназначенное для встреч, проведения праздников и общения местных жителей. — *Примеч. ред.*

единственного мальчишку на скалах, который не кричал. Он стоял на самом высоком валуне: щетинистый силуэт, по которому было заметно, как сильно отрос его ирокез, твердый подбородок отвернут в сторону. Красная вспышка, когда он затянулся сигаретой своего брата, темнота, когда он растоптал окурок о землю, и все, больше никакого света. Он был единственным, кто не смотрел. Его брат тоже был там, наверху, и с ним еще какая-то девчонка в белой футболке, настолько белой, что она ярким пятном выделялась на темном берегу. И они оба наблюдали за мной. Их головы были повернуты в мою сторону. Но не его.

Я отвернулась. Нужно было продолжать играть комедию, раз это было тем, чего хотела Руби.

— Конечно, я смогу! — закричала я парням, собравшимся у воды. — Еще как смогу!

Руби, похоже, совершенно не волновалась. Ни капельки. Как будто я совсем недавно не пила «Роллинг Рок»¹, которое мне сунул один из ее друзей, как будто не допила ее бутылку вина, когда она не смотрела. Как будто я была олимпийской чемпионкой по плаванию и уже делала это не раз — ныряла на глубину, чтобы порыться в разбухших шкафах... как будто история, которую она рассказывала обо мне или о затонувших городах на дне водохранилища, была правдой.

— Так ты плывешь или нет? — крикнул мне один из друзей Руби.

— Да, — ответила я. — За двадцать баксов.

И Руби в знак одобрения улыбнулась своей едва заметной улыбкой и протянула руку, чтобы забрать деньги.

Я видела Руби в свете фонарика. Тем летом ей исполнилось девятнадцать. Она была красивой, все так гово-

¹ Марка пива, производимого в США.

рили, но это не всё. Ее волосы были насыщенного каштанового цвета и доходили до поясницы. На носу у нее была россыпь веснушек, немного, но достаточно, чтобы посчитать. Она носила ботинки каждый день, даже с сарафанами, и никогда не выходила из дома без солнечных очков с огромными черными стеклами, какие носят знаменитости, когда прохлаждаются на каком-нибудь далеком тропическом пляже. Когда Руби поднимала очки на лоб, чтобы волосы не падали на глаза, когда можно было увидеть ее лицо целиком, у людей была такая же реакция, как если бы они увидели какую-то фотомодель, показавшую им то, что у нее под футболкой. Машины останавливались, прохожие тарасились. Руби излучала какой-то особенный свет, который не описать словами — чтобы понять, надо было ее увидеть.

Я казалась ее эхом. У нас обеих были длинные темные волосы и иногда проявлялись веснушки. У нас не только была общая мать, но и любовь к сладостям и медленным печальным песням; нас обеих укачивало в транспорте, и обе мы разговаривали во сне; когда было холодно, наши коленки становились фиолетовыми; мы обе могли икать днями напролет; по телефону нас почти невозможно было различить, так что она могла притворяться мной, а я — ею, если мы хотели одурачить кого-нибудь.

А еще у нас были одинаковые ушные мочки, мизинцы и пальцы на ногах. Но это все малозначимые детали. Кто будет называть девушку красавицей только из-за ее пальцев на ногах? На самом деле я была лишь как карандашный набросок копии полароидного снимка моей сестры: наше сходство было заметным лишь при определенном свете, да и то, если вы нарочно пытались